

ЭСТОНИЯ В ПУТЕВОДИТЕЛЯХ БЕДЕКЕРА*

ТАТЬЯНА СТЕПАНИЩЕВА

Силою исторических обстоятельств судьбы Эстонии и Германии оказались тесно переплетены. Постоянные столкновения на территории Эстонии чужеземных армий и правителей нагроулили историческую память народов множеством сюжетов, интерпретация которых зависит от точки зрения наблюдателя: даже сам сюжет будет меняться и определяться «грамматикой говорящего». Эти сюжеты могут реализовываться на разных уровнях культуры, получать словесное выражение в разных жанрах словесности. О таких «отражениях» в художественной литературе писали неоднократно. Нас же будет интересовать прикладной жанр словесности, который пока не стал объектом пристального интереса историков культуры и исследователей идеологии — это путеводитель.

Путеводитель имеет особую прагматику, тенденциозность не входит в его задание, напротив, обычно декларируется объективность и исчерпывающий характер преподносимой информации. Но обращение к истории местности позволяет автору отбирать факты, компоновать их, конструировать маршрут движения так, чтобы обозначить свою позицию и одновременно ответить на ожидания читателя. Последнее важно в тех случаях, когда путеводитель предназначен для аудитории, уже имеющей некоторые представления о посещаемой стране. Именно этот случай мы наблюдаем, обращаясь к немецким путеводителям XIX в. по Эстонии.

В настоящей статье мы затронем только «хрестоматийные» путеводители на немецком языке по Эстляндии и Лифляндии, согласно тогдашнему административному делению, оставив за рамками исследования этнографические работы и «литературу путешествий» (слишком многочисленные, чтобы быть охва-

---

* Статья написана при поддержке гранта ЭНФ № 7021.

ченными в целом). Вполне оправданно начать исследование путеводителей с первого жанрового образца, впоследствии ставшего эталоном, определившим облик современных путеводителей — с путеводителей Карла Бедекера.

Издателя К. Бедекера можно считать родоначальником жанра путеводителя¹ в Европе (его фамилия стала нарицательным именем для книг этого рода). О точности и дотошности Бедекера рассказывали анекдоты: поднимаясь на крышу Миланского собора, он считал ступени и на каждой 20-ой ступеньке перекладывал одну горошину из жилетного кармана в брючный; спускаясь, он повторил подсчет — чтобы удостовериться в его правильности. Точность Бедекера была даже воспета поэтом А. П. Хербертом (1890–1971) в куплетах английской версии 1929 г. оперетты Ж. Оффенбаха “La Vie Parisienne”: “Kings and governments may err, but never Mr. Baedeker” («Государства и правительства могут ошибаться, но не ошибается господин Бедекер»).

Первые бедыкеры вышли еще в конце 1820-х (“Führer nach Koblenz”), но до Эстляндии и Лифляндии издательство добралось лишь в конце века. Отдельный путеводитель по этому региону не выходил, описание вошло в книгу о европейской части Российской империи. Впервые путеводитель по России был выпущен в издательстве Бедекера в 1883 г., когда оно работало под руководством младшего сына основателя Фрица². Мы

---

¹ Следует отметить, что у Бедекера был соревнователь в Англии — John Murray, основатель издательства (1768), создатель серии путеводителей (первый — по Голландии, Бельгии и рейнским землям — вышел в 1836 году). Интересно, что оба выбрали для обложек своих путеводителей красный цвет (книги Мюррея в обиходе именовались Red Books). Кто кого опередил — неизвестно. Именно Мюррей и Бедекер считаются создателями концепта «достопримечательности» и «пророками туризма» — по словам Х. М. Энценбергера (см. ниже).

² Примечательно, что при нем готовились путеводители в основном по далеким и экзотическим странам: Сев. Америка (1893), Канада (1894), Константинополь и Малая Азия (1905), Индия (1914). Россия попала в интересное окружение.

обратимся к изданиям “Russland: Handbuch für Reisende von K. Baedeker” 1888 и 1897 гг., хранящимся в библиотеке Тартуского университета.

Хотя путеводитель вышел под именем Карла Бедекера, он был явно написан кем-то другим (основатель марки скончался в 1859 г.). Возможно, дальнейшее изучение поможет установить имя автора (или имена авторов); сейчас можно сказать лишь, что в работе над книгой участвовал не один человек: в предисловии от издателя высказана благодарность многим помощникам в России и в Германии. Очевидно, что анонимность — свойство не конкретно бедекеровских путеводителей, а жанра вообще. Даже современные издания такого профиля имеют преимущественно серийную маркировку, а имя сочинителя обозначено в лучшем случае петитом где-то среди технических сведений. Можно предполагать, что такая практика сформировалась не без непосредственного влияния бедекеровских изданий. Имя основателя, создавшего «марку», служило гарантией качества последующих путеводителей и потому подменяло собой имена реальных авторов-путешественников³.

Описанная особенность, конечно, затрудняет анализ авторской позиции, однако, как было отмечено выше, путеводитель — не «авторский» жанр. Текст с такой прагматикой должен отвечать ожиданиям публики, т.е. не должен поражать читателя неожиданными суждениями, диссонировать с имеющимися (даже самыми фрагментарными) представлениями путешественника о посещаемой стране. И в этом смысле путеводители являются хорошим объектом для исследования «образа страны»/«образа нации» в глазах смотрящего. Хотя турист видит все собственными глазами, но путеводитель все-таки задает ему определенную «рамку» восприятия⁴. Опровер-

---

³ Стоит отметить, что первые два бедекера были написаны профессором Й. А. Кляйном (“Führer für Koblenz” и “Rheinreise von Mainz bis Köln”), следующие были созданы уже самим держателем издательства.

⁴ «Рамка» может совершенно заслонять собственно объект туристического интереса, когда путеводитель подменяет собой досто-

гая одни штампы, путеводитель с легкостью тиражирует другие и тем самым формирует представления о «другом».

Обратимся к Бедекеру. Путеводитель по России вышел достаточно поздно, спустя более полувека после начала серии. Объяснение такому факту дает предисловие от издателя: «Со времени окончания строительства русской сети железных дорог путешествие по России больше не представляется обременительным делом»⁵, другими словами — Россия относительно недавно попала в число стран, достаточно подготовленных для массового приема туристов. Следующая фраза еще более четко определяет место России в ряду европейских государств:

Mehr und mehr wenden auch einfache Touristen ihre Aufmerksamkeit dem Lande zu, das dem Bewohner der alten Culturländer des Westens in so vielfacher Hinsicht Neues und Interessantes bietet [Russland 1888: V].

[Простые туристы все больше и больше обращают свое внимание на страну, которая предлагает жителю старых цивилизованных стран Запада столько нового и интересного с разных точек зрения].

Выше мы упомянули, что за время управления издательством Фрица Бедекера, когда был выпущен путеводитель по России, вышли также путеводители по Канаде, Северной Америке и Индии — таким образом, Россия попала в ряд стран далеких и по преимуществу экзотических. Точнее, она вошла как бы во второй туристический «круг» — в первом находились “alten

---

примечательности. См. об этом, напр.: *Lauterbach B.* Baedeker und andere Reiseführer: Eine Problemskizze // *Zeitschrift für Volkskunde* 85. 1986. S. 206–234. Ср. возмущение Вяземского молодыми англичанками в Венеции, которые, плывя в гондоле по каналам, не отрывают глаз от путеводителя вместо того, чтобы взглянуть на сам город. Примечательно, что то были именно англичанки: появление туризма связывается с этой страной, английский турист стал культурным персонажем, наконец, появление путеводителей также связывалось с Англией.

⁵ Russland: Handbuch für Reisende von K. Baedeker. 1888. S. I (далее ссылки на это изд. и бедекер 1897 г. — в квадратных скобках Russland 1888 или Russland 1897 с указанием страницы).

Culturländer des Westens” (самое Германия, Италия, Франция, Голландия, Швейцария, Бельгия и др.).

Следует признать справедливость авторов книги: без железной дороги путешествие по России для уже привыкшего к комфорту и скорости европейского туриста было мало привлекательным. Вообще бедекеры были достаточно объективны и точны в своих характеристиках — иначе путеводители их вряд ли снискали бы успех и многократно переиздавались (индустрия путеводителей постоянно развивалась). Наличие среди авторов как немцев, так и русских давало возможность входить в тонкости национальной жизни и туристического быта. Напр., путешественника предупреждали, что почта России не несет ответственности за точную доставку корреспонденции, подписанной не по-русски (и тут же предлагали перевод некоторых технических почтовых терминов на русский [Russland 1888: XXII]); сообщали, что в главном зале русских ресторанов высшего разряда часто ставят органы (стоимостью 30–60 тысяч рублей) [Ibid.: XXV]; что в деле гигиены и сохранения здоровья часто хорошо помогает “*Ein Wodki (Kornschnaps)*” [Ibid.: XXIV]; что русские врачи в больших городах очень дорого берут за визит (3–5 рублей), а в малых — врачи большие друзья мощных слабительных и кровопускания — так что с ними следует держать ухо востро [Ibid.] (шутка в том, что *Aderlassen* — это не только кровопускание, но и выкачивание денег). Сведения такого рода, конечно, были полезны путешественнику, позволяли ему сохранить здоровье и средства. Это было одной из постоянно заявляемых в бедекерах целей — сделать путешественника независимым:

Die Unabhängigkeit des Reisenden so viel als möglich zu sichern, war des Verfassers erst Aufgabe. Er wollte ihn von der kostspieligen und lästigen Begleitung der Lohnbedienten befreien <...>, er wollte dem Reisenden eine aus eigener Erfahrung entstandene Anleitung geben, mit möglichst geringem Zeit- und Geldaufwand dasjenige rasch zu überblicken, was besondere Aufmerksamkeit verdient, ohne ihn mit

einer Unzahl bedeutungsloser Einzelheiten zu überhäufen, welche <...> mehr verwirren, als zurecht weisen⁶.

[Первейшим заданием автора было дать путешественникам независимость, насколько это возможно. Он хотел освободить их от разорительного и докучного сопровождения наемных слуг, он хотел дать путешественникам руководство, основанное на его собственных впечатлениях — как быстро, с минимальными затратами времени и средств осмотреть то, что заслуживает внимания, не перегружая себя бесчисленными и бессмысленными частностями, которые больше путают, чем верно направляют].

Ср. в путеводителе по России:

Die Reisehandbuch für Russland <...> verfolgt dieselben Zwecke, wie die in weiten Kreisen bekannten anderen Baedekerschen Handbücher; es will die Unabhängigkeit des Reisenden fördern und ihn in den Stand setzen, mit möglichst geringem Zeit- und Geldaufwand alles Sehenswürdige zu überblicken [Russland 1888: IV].

Однако бедекеры могли давать и прямо субъективную оценку достопримечательностям чужих стран:

Man hört in Russland so viel von der “Matuschka Wolga” (“Mütterchen Wolga”) sprechen, dass man sich hüten muss, mit falschen Vorstellungen eine Fahrt auf derselben vorzunehmen. Grossartige Naturschönheiten darf man nicht erwarten; was man auf dem Rhein in wenigen Stunden erblickt, sieht man auf der Wolga nicht in einer Woche [Russland 1897: 334].

[В России слышишь так много разговоров о «Матушке Волге», что приходится ограждать себя от них, дабы не начать поездку по ней исполненным преувеличенных ожиданий. Великих красот природы ожидать не приходится; то, что увидишь на Рейне за несколько часов, на Волге не увидишь и за неделю].

Итак, по мнению автора, в сравнении с Рейном Волга длинна и скучна. Однако честный бедекер далее сообщает, что путешествие по этой реке интересно сменой ландшафтов, которые при интенсивном вечернем освещении напоминают нильские,

---

⁶ Handbuch für Reisende in Deutschland und dem Österreichischen Kaiserstaat: Nach einer Anschauung und den besten Hilfsquellen von K. Baedeker. Coblenz, 1855. S. III–IV.

а также подробностями жизни народов, живущих по берегам Волги (также сменяющих один другого), и заканчивается описание замечанием, что поездка по Волге особенно пленительна в мае.

Описание Остзейских губерний в бедекере отличается, на наш взгляд, некоторым своеобразием.

Первая особенность не является специфической. Как уже было отмечено, Бедекер и Мюррей, «пророки туризма» (как их назвал Г. М. Энценсбергер в своем эссе «Теория туризма»⁷) изобрели и ввели в культурный обиход понятие «достопримечательность» — *Sehenswürdigkeit* или *sight*, ставшее базовым в конструкции путеводителя. Система обозначения достопримечательностей при помощи астерисков, изобретенная Мюрреем, была использована и в изданиях Бедекера (он помечал этим знаком обязательные для осмотра объекты, точнее — те, которые должен увидеть даже самый торопливый путешественник). Таким образом, независимость туриста от навязчивых услуг оборачивалась зависимостью от маршрута, предписанного путеводителем («нормирование», по Энценсбергеру⁸). Автор путеводителя получал возможность формировать репертуар впечатлений путешественника и, в конечном итоге, образ страны в глазах иностранца. Эстляндия и Лифляндия, конечно, не настолько богаты культурными достопримечательностями, как Италия, и потому отбор объектов здесь будет менее тенденциозным, но намеренность мы постараемся показать.

Вторая особенность — более специфическая. Остзейские губернии в составе Российской империи находились на особом положении («Балтийский/остзейский порядок»), верхушку общества составляли в преобладающем большинстве немцы, немецкая аристократия стремилась к корпоративной герметичности (например, препятствовали внесению в матрикулы новых, т.е. русских, дворянских фамилий) и сохранению своих привилегий. На фоне объединения Германии это выглядело

---

⁷ *Enzensberger H. M. Eine Theorie des Tourismus // Einzelheiten I: Bewusstseins-Industrie. Frankfurt/M., 1964. S. 188.*

⁸ *Ibid. S. 196.*

угрозой целостности Российской империи. Пореформенная рефлексия над опытом остзейских губерний также привлекала к ним внимание, возникла полемика в печати по «остзейскому вопросу», обсуждалось и положение коренного населения Балтии, вступавшего в эпоху национального пробуждения. Реакцией имперской власти на этот сложный комплекс событий стала политика русификации, обоснованная в печатных дискуссиях славянофилами, в том числе Ю. Ф. Самариним. На путеводителях политическая ситуация сказалась заметно. Как нам уже приходилось отмечать⁹, авторы русских путеводителей по Эстонии либо приближались к официальной точке зрения, либо занимали либеральную позицию, как, например, Зеленин, писавший о трагичной судьбе остзейских земель, постоянно становившихся объектом экспансии. В этом контексте бедкер интересен как возможный пример взгляда с другой стороны, с немецкой/германской.

Как нам представляется, автор путеводителя занимает критическую позицию по отношению к русскому государству, которая, в силу жанровых требований, выражается косвенным образом.

Так, глава «Из Петербурга на Ревель, Балтийский порт, Дерпт» начинается с такого пассажи:

Местность, через которую мы проносимся, не предлагает много интересного. Пока она имеет еще совершенно русский характер. Деревни у железной дороги выстроены полностью по-русски; любимые русские цвета — кирпичный и охристый — которыми испещрены стены, двери и окна, просвечивают везде сквозь зелень лесов. Прежняя Ингерманландия, ныне Петербургская губерния, хотя и находилась подолгу во владении Швеции и Ордена, издавна была более подвержена русскому влиянию, чем другие Остзейские провинции <...> (Здесь) живет еще много саамов и ингров или ижор финского происхождения и в многочисленных дворянских имениях обитают еще многие представители старых немецких и шведских благородных фамилий, так что сама земля,

---

⁹ *Kisseljova L., Pild L., Stepanišševa T. Eestima ja eestlaste kuvandi areng XIX sajandi ja XX sajandi alguse reisiuhtides // Keel ja Kirjandus (в печати).*

по меньшей мере в устах народа, еще носит свое старое название [Russland 1888: 69].

В главе, посвященной Ревелю, автор дважды (несмотря на ограниченный объем) останавливается на причинах экономического упадка эстляндской столицы:

Торговля в Ревеле процветала до постройки Петербурга, отчасти благодаря морским перевозкам зерна в Швецию и Голландию, отчасти благодаря транзиту из внутренней России. В 1710 году старые связи со Швецией были разрушены, война сравняла страну с землей и, после того, как отношения обезлюдевшей провинции были упорядочены под русским скипетром, Ревель остался в тени своего сильнейшего соперника на Неве. <...> Петр много сделал для подъема Ревеля, в чей заложенный в 1713 году порт он определил свой морской флот. Конкуренция с Петербургом долгое время видимым образом вредила ревельской торговле, но строительство балтийской железной дороги и улучшение порта парализовали (прекратили) в настоящее время соперничество столицы [Ibid.: 80–81].

В общем, история Эстляндии и Лифляндии предстает в бедекере как история борьбы немецкого ордена, Швеции, Польши и России, причем Россия (впрочем, в соответствии с историей) представлена как постоянный агрессор, разрушитель порядка. О событиях второй половины XVIII–XIX вв. путеводитель практически ничего не сообщает. Здесь хорошей иллюстрацией может послужить хронологическая таблица, приведенная в конце вступительной части бедекера 1888 г. (кроме России, там приводятся таблицы по отдельным областям, присоединенным к России позднее):

1284 Процветающий под датским господством Ревель вступает в Ганзейский союз.

1494–1535 Время расцвета немецкого ордена под управлением Вальтера фон Плеттенберга.

1558–1561 — вторжение Ивана Васильевича. Старое орденское государство превращено в руины <...> Эстляндия и Ревель по свободному выбору передаются под шведскую защиту и присягают королю Эрику XIV, Рига сохраняет свою независимость до 1582.

На протяжении XVIII в. отмечены только четыре даты — Ништадтский мир, «штатгальтерская» система Екатерины и ее уничтожение Павлом, и присоединение Курляндии к России, в XIX в. — только два: указ о введении окружного правления и введение в 1877 г. государственного порядка в балтийских провинциях. Конечно, хронологическая таблица в путеводителе не должна быть исчерпывающе полной, но сравнив ее с таблицей из позднейшего издания 1897 г., мы увидим, что там список значительных дат расширен. Во-первых, там шире представлены события из истории Курляндии, из церковной истории края (реформация и контрреформация), изменения институтов власти. Особенно расширен список в части современной, текущего века: упомянуто учреждение университета в Дерпте Александром I, французское вторжение, упразднение крепостного права в Лифляндии (1819), кодификация местных законов в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии (1845 и 1864), 1876 — отмена генерал-губернаторства, 1889 — реформа судебной системы в провинциях, введение общего для империи судопроизводства. Как видно, в издании 1897 г. автор/авторы информировали своих читателей и о тех событиях, которые не имели прямого отношения к путешествию (либо имели довольно специальный интерес), но могли повлиять на политические мнения путешественника: в таблицах основная масса представленных дат была связана с немецкими, шведскими, датскими и польскими правителями края, причем именно немецкие упоминались в позитивном контексте («время процветания»). Деталь малозначительная, но достойная упоминания: если во втором издании речь идет о «русском царе Иване IV Васильевиче», то в четвертом — об Иване Грозном (Grausam).

Однако мы погрешили бы против истины, приписав жесткую тенденциозность путеводителю в целом. В самом тексте мы не найдем прямых политических высказываний. Более свойственен бедкеру принцип «намеренной выборки». Так, при описании Нарвы автор отмечает, что этот город благодаря своему выгодному положению стал индустриальным центром (с химическими фабриками, мельницами, мануфактурой на 18000 веретен и т.д.) — и упоминает, что город населен

преимущественно немцами, а русские живут за рекой в Иван-городе. Таким образом, промышленное развитие города связывается в книге именно с немецкой частью населения.

В самой Нарве автор не находит достопримечательностей, которые он мог бы пометить астериском как настоятельно рекомендуемые: с точки зрения архитектурной город малоинтересен («выдающиеся здания отсутствуют»), хотя «пройтись можно», так как общий вид «довольно старинный». Отмечены собрание редкостей в Ратуше, Петровские ворота и домик Петра, башня в южной части крепости — и завершается описание нарвских достопримечательностей таким пассажем:

Восточнее Нарвы находится поле битвы, где 20 ноября 1700 года Карл XII одержал крупную победу над осадившим Нарву Петром Великим (лучше всего видно с холма Германна) [Russland 1888: 71].

В издании 1897 г. формулировка сохранена, а победа над русскими названа «блистательной».

Конечно, бедекер нельзя обвинить в искажении исторической истины. Если Иван Грозный взял Нарву, то упоминание об этом нельзя считать тенденциозным. Но в обоих использованных нами изданиях с немецкой властью связываются сюжеты «строительства» и «учреждения», а при упоминании русских чаще всего используются слова вроде «испепелить», «опустошить», «заставить страдать», «наносить ущерб». Это касается исторических фрагментов. Говоря о современном состоянии Эстляндии и Лифляндии, автор практически не упоминает о присутствии русских (только иногда, описывая национальный состав горожан, или косвенно — указывая на наличие в городе православных церквей). Как можно заключить, с точки зрения писавшего этот путеводитель представленный в нем край — край немецкий.

Но все же, кроме немцев, в Остзейских провинциях проживало и коренное население, о котором путешественнику также следовало рассказать. Как же это было сделано Бедекером? Если бы мы ограничились сведениями только из его издания, история существования коренного населения Эстляндии выглядела бы странно прерывистой: эстонцы жили на своих зем-

лях до появления немцев (например, успели построить castrum Tarbatum, разрушить на острове Эзель замок, построенный датским королем Вальдемаром, а потом принять христианство после завоевания острова меченосцами, призвать русских князей на помощь против немцев), затем они исчезают из исторических описаний бедекера — вплоть до современности, когда эстонцы вновь появляются, уже в качестве второго по значимости в тексте народа.

Отметим, что тенденциозность «остзейской» части немецкого путеводителя по России не следует преувеличивать. Специфика путеводителей того времени (да и современных вообще) в том, что они апеллируют в основном к городской культуре — а в Эстляндии и Лифляндии конца XIX в. коренное население проживало преимущественно в сельской местности (которую путешественник в лучшем случае окидывал взором из окна поезда или из экипажа), городская же культура была германизирована (или русифицировалась).

Эстонцы в путеводителе противопоставлены латышам. Представляя читателю г. Валк, автор отмечает, что эстонцы и латыши совершенно обособлены друг от друга, никогда не смешиваются: «Обе национальности ненавидят друг друга так, как только соседи могут друг друга ненавидеть»; «даже на границе двух земель никогда не образуется смешанный народ, и в эстонских анклавах Лифляндии эстонцы держатся от латышей подальше» [Russland 1888: 68]. При пересечении границы «сразу замечаешь различие в образе жизни двух народов». Приведенное ниже описание образа жизни коренного населения Эстляндии лишено прямой оценки и достаточно лаконично:

Эстонцы живут не отдельными хуторами, как латыши, а строят свои дома на небольшом расстоянии один от другого, они образуют большие растянутые деревни, но не регулярно устроенные, как у русских, а больше строят беспорядочно, в случайном порядке. Деревенская церковь стоит не в центре, а в отдалении, как у финнов, рядом с ней стоят деревянные будки, в которых посетители церкви могут укрываться от дурной погоды <Здесь следует описание внутреннего и внешнего устройства эстонских жи-

лиц>. Интересно, что поля огорожены, а между изгородями тянутся не тропинки, а дороги [Russland 1888: 72]; ср. также: [Russland 1897: 72].

Только в издании 1888 г. есть несколько слов о национальном типе эстонцев:

Эстонское население в этой местности производит очень приятное впечатление. Мужчины, женщины и девушки по большей части весьма милостивы. Рост первых едва ли выше среднего, но встречаются среди мужчин и очень рослые. Светлые волосы и голубые глаза преобладают. Женщины любят яркие пестрые цвета в одежде; одежда девушек в этом отношении не отличается от женской [Ibid.: 78].

Однако эта характеристика относится только к населению одной местности, которую путешественнику советуют посетить по дороге из Дерпта в Ревель — округ Феллин, окрестности озера Вьртсьярв. В более позднем издании отсутствует и такой краткий портрет. О традиционных занятиях эстонцев сказано лишь в связи с описанием истории Эзеля (занимаются земледелием, выращивают коров, ловят рыбу и тюленей, охотятся, в том числе, на лебедей; «эзельские лошади известны своим огненным темпераментом и большой выносливостью»).

Сравним с этим описанием фрагмент, посвященный финнам:

Финны — особенно высоко одаренный народ; порукой в том их богатая и прекрасная народная поэзия, как эпического, так и лирического характера. Внешне они плотного телосложения, среднего роста, черепа несколько угловатые, брахицефальные, с плоским лицом и выдающимися скулами, цвет лица бледный, несколько желтоватый, светлорусые волосы, которые с возрастом часто темнеют. У тавастландского (западнофинский) типа эти черты выражены сильнее, чем у более стройного и элегантного карельского (восточнофинский). Финны отличаются честность, гостеприимство, верность, храбрость, выносливость и трудолюбие, при том он скрытен и молчалив, мало подвижен и предприимчив, также недоверчив и упорен в своей жажде мести. Религиозность этого народа очень сильна, однако заметна и склонность к суеверию и сектанству <далее описаны также устройство жилищ и поселений — причем сравниваются они с северно-немецкими>.

Женщинам оказывают почтение, поведение и обычаи в отношениях полов весьма твердо соблюдаются. Парную баню, табак и кофе финн любит страстно [Russland 1897: 197–198].

Однако, несмотря на такую краткость бедекеровского экскурса в национальный характер и облик эстонцев, сведения о языке и культуре этого народа, которые путеводитель предоставляет читателю, неожиданно точны и достаточно подробны.

Бедекер сообщает, что по дороге из Петербурга в Ревель турист может остановиться на станции Торма, “Mittelpunkt der Heimat der Kalew-Sagen”, неподалеку от этого места находится «ложе Калевипоэга» («Это пять больших вытянутых, отчасти искусственных холмов, которые особенно своими возвышенными краями, а также удачным выбором места отличаются от обычных богатырских могил. Пять курганов образуют эллипс, вершина которого достигает Чудского озера <...> в центре этого эллипса находится ручей Кяапа <...> в этом ручье по преданию лежит меч Калевипоэга, который играет такую большую роль в сказании» [Russland 1888: 73]). Ниже автор приводит краткий пересказ легенды о возникновении этих курганов.

В издании 1888 г. эстонский язык охарактеризован достаточно подробно:

На эстонском языке, представляющем собой ветвь финской семьи алтайской языковой основы, говорят в Эстляндии и Лифляндии около 600000 человек, в целом он благозвучен; он не имеет ни того резкого, полного, грубого тона, с каким говорят русские, ни того слишком мягкого (metallo), плаксивого, писклявого акцента, с каким говорят латыши и литовцы. Большею частью эстонцы имеют сильный, звучный, но приятный и мягкий орган [Ibid.: 78].

В издании 1897 г. — более краткая характеристика, но с выходом в область новейших достижений эстонской науки:

Язык относится к финно-угорской группе и выделяется своим изрядным благозвучием. Он беден абстрактными понятиями, но богат фольклором. Др. Хурт собрал (с учетом вариантов) более 40500 народных песен, 8500 сказок, сказаний, 45000 пословиц, 37000 загадок [Russland 1897: 72].

Откуда автор бедекера, столь скупо снабдивший свой текст информацией об эстонцах, узнал эти подробности? Найти ответ просто — в списке литературы (весьма представительном), приведенном в начале книги, обнаруживается книга «Поездка по остзейским провинциям России», вышедшая в Лейпциге в 1874 г. и написанная Паулем Гунфальви (Paul Hunfalvy)¹⁰.

Венгерский лингвист и этнограф П. Гунфальви (1810–1891, первоначально носил фамилию Hundsdorfer), профессор права и член венгерского сейма, описал свое путешествие по балтийским землям России в 1871 г., в 1872-ом первая часть его труда, посвященная Эстляндии, была переведена на немецкий. Начав с изучения венгерского языка (мадьяризировал и свое имя, равно как и его брат, впоследствии историк и географ), он начал изучать другие финно-угорские языки, горячо интересовался также и культурой родственных народов. Его путешествие в Эстляндию имело целью поиск единомышленников среди местных ученых, знакомство с эстонским языком (который он уже немного знал) и литературой. В Дерпте он встретился с Яннсенем и его дочерью Лидией (которая произвела на него большое впечатление), с Якобом Хуртом, познакомился с деятельностью Эстонского ученого общества. В книге Гунфальви уделил место рассказу об эстонском эпосе Калевипоэг, пересказал легенду о Койте и Хямарик (отметив ее высокие литературные достоинства и отрицая авторский характер). Эстонской литературе он посвятил отдельную главу книги, подробно рассказал о Фр. Р. Крейцвальде, об эстоноязычной периодике, привел целиком предисловие Яннсена к книге его дочери “Ojamõlder ja tema minija” и подробно пересказал его содержание. Гунфальви был безусловным сторонником национальной эмансипации эстонцев (критически относился как к германизации, так и к русификации).

Таким образом, подробные сведения об эстонском языке и культуре в рассмотренном нами путеводителе были заимствованы из книги Гунфальви, т.е. это были «посторонние» эле-

---

¹⁰ Reise in den Ostseeprovinzen Russlands / Von P. Hunfalvy. Leipzig, 1874.

менты. Вопрос о генезисе бедкеровского текста об Эстонии нуждается в дополнительном изучении. Например, тот же Гунфальви достаточно подробно описывает распорядок своего путешествия и путевые впечатления, сообщает практические сведения, явно рассчитанные на последующих путешественников по этим местам — так что автор/авторы бедкера могли опираться на его впечатления, пользоваться какими-то сведениями или повествовательными блоками из его книги.

Подытоживая наблюдения, мы можем сказать, что Эстляндия и Лифляндия представлены в немецком путеводителе как отчасти «своя» (немецкая) земля — акцент в исторических описаниях и умолчания в современных делают тенденцию заметной. Вниманию туриста бедкер предлагал преимущественно отдельные ландшафты и немногочисленные памятники — которые, в силу исторических обстоятельств, относились большей частью к немецкому времени. Приведем напоследок еще несколько примеров. Пересекая границу, автор отмечает:

И эта страна имеет также свою прелесть и свою особенную красоту. Ничто не сравнится с диким пейзажем в еловых, сосновых и березовых лесах Лифляндии <...> июньскими ночами эти леса с их своеобразным животным миром (медведи, волки, лоси, орлы и ястребы) прекрасны в высшей степени. Также и темные леса, скрывающие болота и озера, имеют свой интерес [Russland 1888: 66].

Если учесть, что экологический туризм в то время еще не был развит, прелесть таких экскурсий могла не казаться очевидной.

Количество достопримечательностей, помеченных астериском, весьма невелико. В Ревеле это только алтарь Домского собора (автор — Эдуард фон Гебхардт) и вид на море и на город с западного берега порта, в окрестностях Ревеля — развалины монастыря св. Бригитты. На юге — Ливонская Швейцария, Отепя, летний закат над Чудским озером (Ранна-Пунгерья), в Дерпте — Ремесленное объединение. Итак, в целом край представлен как достаточно не обязательный для посещения. Даже университет не удостоился пристального внимания.

Пока следует воздержаться от окончательных выводов (далеко не весь материал исследован, необходим широкий сравнительный контекст), но все же создается впечатление, что автор бедекера формировал у своего читателя впечатление об Остзейских провинциях России как о «потерянной» немецкой земле, представляющей интерес лишь косвенно — в связи со своей давней историей.